

лость, привычный цинизм, насмешливо-небрежную манеру разговора и тайную печаль, тоску по счастью и любви.

Грушницкий **Артема Бучнева** — не злодей, а обидчивый ребенок, готовый хвалиться, красоваться. Он даже трогателен в своем фанфаронстве, желании непременно всем понравиться, утвердиться в роли рокового страдальца.

Вера **Марины Заланской** нервна, благородна, беззащитна и несчастна. Она чувствует и тонко передает понимание обреченности своей любви.

В образе Мери **Екатерине Вишневской** удалось показать и прелесть первого чувства, и молодую обидчивость, и молодое отчаянье.

Режиссер, крупным планом подавая персонажей, исследует их души, чувства, намерения, разворачивает перед зрителем (а в зале много было старших школьников) ис-

торию метаний молодых людей, ищущих места в жизни, страдающих от неразделенной любви, собственного несовершенства.

Марина Есенина исследует зависть, гордость, всю ту сложную гамму чувств, которую испытывает молодой человек, ищущий свое место в жизни. Спектакль стал настоящей школой чувств, комментарии юных зрителей, подростков в антракте и после завершения спектакля, были чрезвычайно занимательны. Театр сделал главное — сумел заинтересовать своего зрителя, обратился к их душам, сердцам, заставил сочувствовать, сопереживать, задуматься над сложностью и тонкостью человеческих взаимоотношений, заинтересоваться творчеством М.Ю. Лермонтова, земляка С. Есенина, а это ли не главная его задача!

Валентина ФЕДОРОВА

САРАТОВ. Потаенная любовь

У известного пушкиниста **Валентина Непомнящего** есть цикл телепередач «Тысяча строк о любви». Режиссер **Олег Загуменнов** из всего пушкинского наследия отобрал едва ли сотню его любовных строк, но каких... Две поэмы, написанные с разрывом в три года. «Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы», — пишет автор «**Полтавы**». И изящный иронически порассуждать о «мелких причинах великих последствий», вышучивая древнюю легенду. Соединенные вместе смелым жестом постановщика, идущие друг за другом в крохотном зале **Саратовского театра драмы, музыки и поэзии «Балаганчикъ»** они сначала бросают нас в бездны исторической драмы, а через какое-то время от души смешат похождениями незадачливого «казановы».

Для маленького театра спектакль «**Пушкин. Две поэмы**» — этапный. Комедии здесь играют и получают они хорошо, чему примером служат спектакли по **А.П. Чехову** и **М. Зощенко**. Трагедия **Расина** и скорбная Федра **Елены Смирновой** в постановке Загуменнова стали театральным событием города. Но **Пушкин** в афише театра впервые.

Из лишь многостраничной поэмы выбрали лишь историю Марии и Мазепы. Любовь потаенная, вспыхнувшая в дочери Кочубея, «красе черкасских дочерей», не к молодому казаку Искре (его любовная партия сокращена) — к седому старику. Не забудем, что Марии только шестнадцать, Мазепа старше ее на полвека. Современники поэму не признали. «А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?» — оправдывался Пушкин перед критикой. Где еще звенящий, как кли-

Жена Кочубей – Е. Смирнова, Кочубей – С. Шалункин

нок, пушкинский стих так легко ложился в строфу? («Богат и славен Кочубей. / Его луга небозримы...»; «И с ними царские дружины / Сошлись в дыму среди равнины: / И грянул бой, Полтавский бой!..») По словам Юзефовича, Пушкин «Полтаву» писал по наитию. «Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда». Загуменов умеет делать удивительные вещи. Его актеры не читают пафосно Пушкина (не читали и Расина), не «говорят рифмами» – присваивают себе его слова, все его «сто пудов любви» и органично существуют в пространстве текста. Мы видим счастливую пару Кочубеев – чудная **Елена Смирнова** и хорошо вписавшийся в этот стройный хор актер и журналист **Станислав Шалункин**. Их гордое презрение в ответ на скандальное сватовство Мазепы (крестный отец Марии – близость с ним равносильна инцесту). И вспыхнувшая ненависть, когда невенчанная дочь убегает к старику. Темные очи

«нетерпеливой жены» Кочубей горят неистовой силой. Чего тут больше? Обиды за дочерний позор, потаенной любви самой Кочубеевны к тому, кто и в старости статен и могуч (есть такая версия) или – жажда гетманской власти? В жаркой тиши супружеского алькова нашепчет она нерешительному супругу донос на Мазепу. У **Натальи Карповой**, выпускницы Саратовского театрального института, это первая большая роль в театре. Гордая и нежная Мария – одна из прекрасных пушкинских героинь. Но в отличие от робких Марьи Ивановны и Марьи Гавриловны она сильна духом. Мария идет по сцене, ступая по жердочкам, сама же их переставляя, «по-над пропастью, по самому по краю», спотыкается, падает, вольно или невольно, снова поднимается... Декорации минимальны: табуретки и жерди (лаконичная сценография, строгое музыкальное решение тоже сделано режиссером). Они превращаются в дом, в подвал, где заключен Кочубей, в портал, куда стремится Мазепа, за которым осталось все прежнее – старая дружба, похожая на соперни-

Наталья Павловна – Е. Смирнова

чество, доброе расположение «московского царя», любовь. Нет, он не обманет любовь девушки («поздний жар уж не остынет и с жизнью лишь его покинет»). Но Марию он предаст, посылая на пытки и казнь ее отца. И знает, что предаст, и страшится этого. Самой сильной вышла в спектакле ночная сцена, когда влюбленная еще ревнует и горит, а Мазепа, тайно держа Кочубея в их доме, жестко требует от нее ответа: «Кого бы в жертву принесла?»

Большая удача спектакля – **Михаил Юдин** в роли Гетмана. Этот актер как будто иной психофизики. Невысокий, плотный, добродушный, без гетмановских «кудрявых седин». Он входит в портал – и мы видим сильного, могучего, неукротимого воина с горящими голубыми глазами. В них то сияет любовь, то тлеет огонь раздутого тщеславия. Непомнящий пишет о «скрытом обаянии пушкинских «отрицательных» героев»: «недостатки – продолжение их достоинств». И шутилая история, разыгравшаяся в «Нулине», якобы имеет под собой историческую почву. «Что, если бы Лукреции пришло

Мазепа – М. Юдин

*Мазепа – М. Юдин,
Мария – Н. Карпова*

Наталья Павловна – Е. Смирнова, Муж Натальи Павловны – С. Шалункин

в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, ... он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те...» – писал Пушкин, снова перед кем-то оправдываясь. У Шекспира Лукреция – как повод для свержения монархии в древнем мире. У шаловливого русского гения – толчок к очаровательному опусу.

В «Графе Нулине» теплеет освещение, темные одеяния героев сменяет легкая белизна – в костюмах и интерьерах. Скусающая барынька охотно кокетничает с заезжим гостем, ее лукавая Параша – **Наталья Карпова**, еще та озорница (как в «Домике в Коломне»), промотавшийся за границей фронт Нулин... В непомерном кринолине и панталонах с кружавчиками Наталья Павловна – **Елена Смирнова** просто... шарман. Переворачивая книжку вверх ногами, хулиганя, она прodelывает это раз пять – барыня развлечена любым пустяком за окном. А уж звон колокольчика и шум коляски – событие в деревне эпохальное.

Посрамленного «казанову» забавно изображает **Михаил Юдин**. Оскорбленного в лучших чувствах мужа – **Станислав Шалункин**. А того, кто «более всего с Натальей Павловной смеялся», ее потаенную любовь – **Александр Котелков**. Милый, бреющийся, едва одетый. Он же – безжалостный палач Кочубея в первой части спектакля. Такие вот метаморфозы. В финале все герои берут длинные доски, похожие на болотные сляги. Вместе они образуют шлях с верстовыми столбами. Страны? Истории? Жизни?..

Многие пророчили затмение пушкинского солнца. Однако, как считает Валентин Помпянский, «Пушкин оказался сильнее истории. Он прошел сквозь нее, невообразимую в своей кровавости и лжи, прошел, сам обдираясь в кровь и волоча на себе ключья чуждых знамен... Он победил потому, что есть сила, которая больше исторических обстоятельств, – сила «высших ценностей».

Любовь и Поэзия в их ряду.

Ирина КРАЙНОВА

Фото Игоря ДЗИСА предоставлены театром